ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНИИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ

въ 1903 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1905 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LXXXI.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1903 года

Ординарнымъ академикомъ Н. П. **Кондаковымъ.**

Въ настоящемъ году на соисканіе Ломоносовскихъ премій поступило всего семь сочиненій, представленныхъ четырьмя соискателями означенныхъ премій. Изъ этого числа два сочиненія одного автора оставались отложенными отъ предыдущаго конкурса 1901 года; одно сочиненіе было перенесено на конкурсъ по соисканію премій графа Д. А. Толстого, присужденіе которыхъ должно состояться въ этомъ же году. Для оцѣнки представленныхъ сочиненій была, согласно § 10 Правилъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій, образована Комиссія, въ составъ которой вошли всѣ члены Отдѣленія, проживающіе въ Петербургѣ. Разсмотрѣнію Комиссіи подлежало всего шесть нижеупомянутыхъ сочиненій, принадлежащихъ тремъ отдѣльнымъ авторамъ:

I.

Трудъ экстраординарнаго профессора Императорскаго Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ **В. Н. Перетца** «*Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII вѣка*» (С.-Петербургъ,

1902) («Изслѣдованія и Матеріалы». Томъ III), съ присоединенною къ нему, въ видѣ дополненія, брошюрою: «*Очерки старинной малорусской поэзіи*» (С.-Петербургъ, 1903).

Разсмотрѣніе означенныхъ двухъ трудовъ было исполнено ординарнымъ академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Третій томъ «Историко-литературныхъ изслѣдованій и матеріаловъ» состоитъ изъ двухъ неравныхъ половинъ. *Первая*, бóльшая, половина посвящена вопросу о происхожденіи тоническаго стиха въ великорусской искусственной поэзіи XVIII вѣка. Автору посчастливилось открыть русскіе стихи пастора Глюка и его сотрудника и преемника по школѣ магистра Пауза, имѣющіе тоническое основаніе и въ этомъ отношеніи, несмотря на незначительность содержанія, представляющіе несомнѣнную цѣнность.

Далѣе, чрезъ разсмотрѣніе біографіи Пауза и судебъ оставшихся послѣ Пауза бумагъ, авторъ удачно поставилъ въ связь тоническіе стихи Глюка и Пауза съ тоническими стихами Тредьяковскаго. Слабыми сторонами этой половины труда В. Н. Перетца слѣдуетъ считать: 1) отсутствіе обзора стихотворства Петровскаго времени и ближайшихъ къ нему годовъ XVIII столѣтія, до 1740 г. приблизительно, такъ какъ безъ этого обзора нельзя говорить рѣшительно о значеніи тоническихъ стиховъ Глюка и Пауза; 2) слабое знакомство съ историческими данными о Глюкѣ и его школѣ.

Вторая половина труда В. Н. Перетца говоритъ о малоизвѣстномъ малорусскомъ писателѣ конца XVIII вѣка, Некрашевичѣ. Авторъ, на основаніи по большей части новыхъ, найденныхъ имъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщаетъ свѣдѣнія о жизни и литературныхъ произведеніяхъ Некрашевича и опредѣляетъ его значеніе въ исторіи русской литературы. И въ этой части чувствуется недостатокъ—отсутствіе обзора стихотворства у малоруссовъ второй половины XVIII вѣка.

«*Очерки старинной малорусской поэзіи*» В. Н. Перетца—оттискъ статьи, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» 1903 г.

кн. 1. Въ немъ авторъ издалъ по рукописямъ XVIII в. нѣсколько стихотвореній, въ томъ или другомъ отношеніи любопытныхъ, въ ихъ числѣ русскій текстъ Эпиникіона Ѳеофана Прокоповича, извѣстный ранѣе лишь въ отрывкахъ, съ критико-библіографическими замѣчаніями.

«Всѣ труды В. Н. Перетца, — говоритъ въ заключеніи своей рецензіи академикъ А. И. Соболевскій, — представляютъ большое количество новыхъ историко-литературныхъ матеріаловъ, изданныхъ по рукописямъ разныхъ русскихъ столичныхъ и провинціальныхъ книгохранилищъ, важность и цѣнность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Они вполнѣ заслуживаютъ награды половинною Ломоносовскою преміею».

II.

Разсмотрѣніе представленнаго въ рукописи труда **А. И. Яцимирскаго** подъ заглавіемъ: «*Григорій Цамблакъ, очеркъ его жизни и дѣятельности*» — было поручено профессору Имп. Санктпетербургскаго Университета П. А. Лаврову.

Трудъ А. И. Яцимирскаго представляетъ обширную монографію о жизни и дѣятельности Григорія Цамблака. Авторъ съ подробностію останавливается на біографическихъ данныхъ объ этомъ писателѣ и въ связи съ его церковно-общественною дѣятельностью касается и его литературныхъ произведеній, пользуясь при этомъ какъ славянскими источниками, такъ и источниками румынскаго происхожденія. Благодаря этому обстоятельству авторъ иногда находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ многими изъ своихъ предшественниковъ, между которыми русскіе не всегда могли пользоваться румынской литературой о Цамблакѣ и, обратно, румынскіе изслѣдователи не всегда умѣли должнымъ образомъ оцѣнить вопросы, соприкасающіеся съ исторіей славянской письменности.

Послѣ краткаго указанія работъ своихъ предшественниковъ авторъ начинаетъ съ разбора происхожденія Цамблака, примыкая при этомъ къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ его болгариномъ. Г. Яцимирскій видитъ въ Григоріи Цамблакѣ уроженца Тырнова, родившагося въ 1364 г. Въ отличіе отъ предшественниковъ онъ полагаетъ, что Цамблакъ покинулъ Тырново гораздо ранѣе 1394 г. и жилъ сначала на Аѳонѣ, гдѣ въ 1389 г. имъ были переписаны Творенія Исаака Сирина въ лаврѣ св. Аѳанасія. *Нужно однако замѣтить, что въ означенной рукописи* Гавріилъ не названъ Цамблакомъ и авторъ основывается въ этомъ случаѣ на отождествленіи его съ схимникомъ Нямецкаго монастыря Гавріиломъ, котораго онъ въ свою очередь отождествляетъ съ Григоріемъ Цамблакомъ. На Аѳонѣ Григорій принялъ монашество. Ко времени пребыванія его въ Константинополѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе похвальнаго слова св. Георгію и сказанія о перенесеніи мощей св. Параскевы. Получивъ должность патріаршаго келейнаго инока, Григорій по порученію патріарха Матвѣя отправляется въ Молдавію для слѣдствія о посвященіи молдавскаго митрополита галичскимъ архіепископомъ Антоніемъ. Ко времени пребыванія въ Сочавѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе и произнесеніе Григоріемъ словъ на рождество Богородицы, тремъ отрокамъ, о божественныхъ тайнахъ, объ усопшихъ, объ иноческомъ житіи, на рождество Іоанна Крестителя, похвалы Петру и Павлу и мученія св. Іоанна Новаго. Отвергая игуменство Григорія въ Дечанскомъ монастырѣ въ концѣ XIV в., г. Яцимирскій утверждаетъ, что онъ былъ игуменомъ Нямецкаго монастыря. Здѣсь имъ были составлены и произнесены слова: 1) похвальное мученикамъ, 2) похвальное св. Георгію, 3) пророку Иліи, 4) на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, 5) о постѣ и слезахъ, 6) о милостыни и нищихъ 7) въ воскресенье цвѣтное, 8) въ великій четвертокъ, 9) въ великій пятокъ. Вызванный въ 1406 г. въ западно-русскія области митрополитомъ Кипріаномъ, Цамблакъ уѣзжаетъ изъ Нямецкаго монастыря въ Вильну, но, получивъ

извѣстіе о смерти Кипріана, удаляется въ Сербію. Здѣсь къ 1407—1408 гг. Яцимирскій относитъ составленіе житія Стефана Дечанскаго. Переходя затѣмъ къ пребыванію Григорія въ Россіи, авторъ подробно останавливается на тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ Цамблакъ занялъ Кіевскую митрополію и вызвалъ противодѣйствіе московскаго митрополита Фотія. Къ этому періоду относитъ авторъ а) составленіе похвальнаго слова Кипріану, произнесеннаго по его мнѣнію не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ въ 1409—1410 г. и б) семи словъ: 1) въ недѣлю вербную, 2) на вознесеніе, 3) на преображеніе, 4) на успеніе, 5) на воздвиженіе, 6) похвалы великомученику Димитрію и 7) Евѳимію Тырновскому въ 1416—1417 г. Касаясь вопроса объ участіи Цамблака на Констанцкомъ соборѣ, г. Яцимирскій пользуется западными источниками и польской литературой по этому предмету; здѣсь онъ разбираетъ два слова, произнесенные Григоріемъ предъ отцами собора. Переходя за тѣмъ къ возвращенію Григорія въ Россію, авторъ останавливается на фактахъ, относящихся къ послѣднимъ днямъ его жизни въ Кіевѣ. Вопреки извѣстіямъ нашихъ лѣтописей о послѣдовавшей вскорѣ смерти Григорія, г. Яцимирскій является защитникомъ того взгляда, что Цамблакъ, тайно оставивъ наше отечество, удалился въ Румынію и здѣсь, принявъ схиму въ Нямецкомъ монастырѣ, жилъ до 1450 г. подъ именемъ схимника Гавріила. Авторъ группируетъ цѣлый рядъ доказательствъ прямыхъ и косвенныхъ, собранныхъ имъ изъ разныхъ источниковъ, которыя приводятъ его къ убѣжденію въ тождествѣ Григорія и Гавріила. Какъ разъ въ близкое къ смерти Цамблака время является въ Нямецкомъ монастырѣ инокъ Гавріилъ, которому принадлежатъ многочисленные книжные труды, главнымъ образомъ переписка разнообразнаго содержанія церковныхъ книгъ, въ которыхъ проведено правописаніе въ духѣ реформы патріарха Евѳимія. Къ 1432 г. молдавскія лѣтописи относятъ посольство въ Охридъ съ каноническими и культурными цѣлями, во главѣ котораго называютъ Цамблака. Это даетъ г. Яцимирскому поводъ коснуться вопроса

о начаткахъ славянской письменности въ Молдавіи. Онъ оспариваетъ мнѣніе румынскихъ ученыхъ о томъ, что въ Молдавіи славянской письменности предшествовала латинская. Предлагая характеристику румынской культуры по труду проф. Богдана и сопровождая ее интересными дополнительными замѣчаніями, г. Яцимирскій упоминаетъ о рукописяхъ румынскаго происхожденія до 1424 г. — изъ которыхъ, замѣтимъ, многія едва ли можно относить къ Румыніи, — а затѣмъ переходитъ къ обозрѣнію письменности Молдавіи и Валахіи. Отмѣчая, что валахи еще въ XIV в. находились въ сношеніяхъ съ болгарами, г. Яцимирскій признаетъ, что молдавская письменность начинается позднѣе.

Труды Гавріила, начиная съ 1423 — 1424 г., являются въ Молдавіи первыми опытами. Слѣдуетъ ихъ подробное описаніе (стр. 345 — 378). Не ограничиваясь этимъ, г. Яцимирскій извлекаетъ изъ этихъ рукописей данныя, касающіяся палеографической стороны трудовъ Гавріила и проведеннаго въ нихъ правописанія. Кратко оцѣнивая типичный характеръ молдавскаго письма вообще и орнаментацію молдавскихъ рукописей, онъ приписываетъ ихъ блестящую внѣшность народному румынскому духу. Характеризуя затѣмъ правописаніе Гавріила, онъ составляетъ какъ бы руководство къ рукописямъ Гавріила, на *подобіе правилъ, предложенныхъ Константиномъ Костенчскимъ.* Вполнѣ справедливы замѣчанія г. Яцимирскаго о важности рукописей Гавріила для сужденія о реформѣ патріарха Евѳимія. Въ то время какъ Константинъ Костенчскій положилъ основаніе ресавскимъ изводамъ, Гавріилъ въ своихъ книжныхъ трудахъ оставался вѣренъ тырновскому правописанію. Наконецъ г. Яцимирскій высказываетъ мнѣніе, что и начало молдавской исторіографіи положено Гавріиломъ, которому можно приписывать Тульчанскую лѣтопись. Въ заключеніе слѣдуетъ глава, въ которой собраны преданія о Цамблакѣ въ Молдавіи и предлагаются замѣчанія, относящіяся къ противорѣчивымъ отзывамъ о немъ новѣйшихъ историковъ. При этомъ г. Яцимирскій защищаетъ

Цамблака отъ подозрѣній въ измѣнѣ православію и подводитъ итогъ распространенности трудовъ Цамблака въ славянской письменности. Работа заканчивается хронологическимъ перечнемъ біографическихъ и книжныхъ данныхъ, относящихся къ дѣятельности Григорія-Гавріила Цамблака.

Изъ предложеннаго нами краткаго обозрѣнія труда г. Яцимирскаго видно, что онъ отличается особенной полнотой и обиліемъ матеріаловъ, привлеченныхъ для біографіи Цамблака и оцѣнки его литературной дѣятельности. Эти матеріалы въ значительной степени собраны авторомъ впервые. Онъ могъ это сдѣлать только послѣ обстоятельнаго знакомства съ рукописными богатствами библіотекъ въ Румыніи и Бессарабіи. Въ этой области г. Яцимирскому принадлежатъ заслуживающіе полнаго признанія труды, а именно описаніе рукописей Нямецкаго монастыря въ Молдавіи и Ново-Нямецкаго въ Бессарабіи (помѣщено во II т. Трудовъ Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества) и печатающееся описаніе рукописей румынскихъ книгохранилищъ. Сверхъ того, имъ напечатана книга: «Изъ славянскихъ рукописей, тексты и замѣтки» (Москва, 1898 г.) и статьи въ «Извѣстіяхъ». Только благодаря этому знакомству съ рукописной молдавской литературой г. Яцимирскій могъ выступить съ взглядомъ о тождествѣ Григорія и Гавріила. Правда, собранныя имъ прямыя и косвенныя доказательства, по нашему мнѣнію, еще не рѣшаютъ вопроса окончательно, но нельзя отвергать того, что въ совокупности они увлекали его къ убѣжденію въ тождествѣ Григорія и Гавріила. Во всякомъ случаѣ, попытка г. Яцимирскаго удачнѣе предшествовавшей ему попытки архіеп. Мелхиседека. Безъ сомнѣнія, самымъ важнымъ документомъ тождества Григорія и Гавріила было бы, если бы мы знали, что переписавшій въ 1389 г. творенія Исаака Сирина въ Лаврѣ св. Аѳанасія грѣшный Гавріилъ былъ именно Григорій Цамблакъ, но въ этомъ случаѣ при имени Гавріила нѣтъ имени Цамблакъ. Правда, г. Яцимирскій утверждаетъ, что почеркъ этого Гавріила и почеркъ Гавріила Схимонаха принадлежатъ

одному лицу (241 стр.). Снимковъ не приложено и провѣрить это указаніе мы не можемъ; если это такъ, то и тогда удостовѣряется лишь тождество Гавріила, бывшаго на Аѳонѣ, и Гавріила схимонаха; но для полнаго убѣжденія въ тождествѣ того и другого Гавріила съ Григоріемъ Цамблакомъ недостаетъ автографа Григорія (что признаетъ и авторъ, см. стр. 242). Авторъ взамѣнъ этого приводитъ лишь одно соображеніе, отчего мы не знаемъ рукописей Гавріила до 1423 г. Другое указаніе г. Яцимирскій усматриваетъ въ Посланіи Нямецкаго игумена Ѳеодосія XVI в. къ романскому епископу Макарію. Ѳеодосій сравниваетъ іеромонаха Іоиля, знавшаго греческій языкъ, искуснаго въ книгахъ и переписывавшаго многія книги,—съ Гавріиломъ Цамблакомъ: «яко нѣкъгда Гаврїиль Цамблакь, игумень отъ нашь Нямѣцскїи монастирь, добри кънигы написавъ сладкими словесы пооучаѧ въсѧ христїаны, и тръдь къ тръдомь прѣлагаѧ *свѧтительскыи степень ѡставль*, къ богꙋ ѡтиде». По нашему мнѣнію, скорѣе можно въ этомъ выраженіи: «свѧтительскыи степень ѡставль къ богꙋ ѡтиде»—видѣть указаніе на то, что Цамблакъ умеръ въ схимѣ, а не на то, что онъ былъ митрополитомъ въ Кіевѣ. Приводимое въ связь съ этимъ свидѣтельство Козачинскаго XVIII в. не имѣетъ большого значенія, какъ позднее. Не маловажнымъ обстоятельствомъ является въ нашихъ глазахъ и то, отчего Григорій, извѣстный многочисленными самостоятельными трудами, многочисленными словами и житіями въ первый періодъ своей дѣятельности, изобличающими въ немъ несомнѣнный авторскій талантъ, послѣ своей мнимой смерти является простымъ переписчикомъ книгъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ бы переводъ посланія патріарха Матвѣя, если только было бы указаніе, что переводъ этотъ принадлежитъ Григорію Цамблаку (стр. 82). Что же касается принадлежности ему Тульчанской лѣтописи, то это лишь догадка нашего автора. Но если и послѣ работы г. Яцимирскаго трудно считать внѣ сомнѣнія тождество Григорія и Гавріила, то это во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ признать значительный интересъ книжной дѣятельности Гавріила,

особенно въ виду тырновскаго правописанія, которому онъ слѣдовалъ. Если же прибавить, что г. Яцимирскій приступилъ къ печатанію сочиненій Григорія Цамблака въ Обществѣ Любителей Древней Письменности, то слѣдуетъ признать за его трудами, посвященными этому писателю, большую цѣнность.

Вполнѣ понятно, что въ работѣ такого размѣра, какъ книга г. Яцимирскаго, встрѣчаются пробѣлы, недосмотры, неточности, поспѣшныя заключенія. Напр. въ литературѣ предмета (стр. 4) не указано сочиненій преосв. Порфирія который представилъ оцѣнку словъ Григорія Цамблака, найденныхъ имъ въ монастырѣ св. Павла. Въ числѣ ученыхъ, считавшихъ Григорія Цамблака болгариномъ (стр. 21), не названы преосв. Порфирій, проф. Иречекъ.

На стр. 85 авторъ ошибочно считаетъ *обычнымъ* эпитетомъ болгарскаго царя Іоанна Александра «мученнколюбный», безъ всякой ссылки. Мы не нашли *ни одного* примѣра. Очень сомнительными кажутся намъ возраженія противъ игуменства Григорія въ Дечанскомъ монастырѣ (стр. 150). Указанія рукописей и особенно Владислава Грамматика, близкаго по времени къ Цамблаку, получаютъ въ этомъ вопросѣ большую важность. Никакими доказательствами не подкрѣплено утвержденіе, что житіе Стефана Дечанскаго явилось какъ бы протестомъ противъ Стефана, Константина и Ресавы (стр. 149 — 150). Мы предпочитаемъ, вмѣстѣ съ предшественниками автора, въ Плинаирской обители, игуменомъ которой называетъ себя Григорій Цамблакъ въ похвальномъ словѣ Кипріану,—видѣть Плинарійскую Константинопольскую обитель, нежели внѣвоздушную, вопреки разсужденіямъ (стр. 161 — 163) г. Яцимирскаго. По явному недоразумѣнію приписывается преосв. Филарету незнаніе мѣста, гдѣ происходилъ Констанцскій соборъ (стр. 282). Называя его Костницкимъ, преосв. Филаретъ употребилъ прилагательное образованное отъ нѣмецкаго имени Констанца. Не слѣдовало приводить въ числѣ рукописей румынскаго происхожденія кирилловскую часть Реймскаго евангелія (стр. 339), когда ее считаютъ русскимъ памят-

никомъ XI — XII в. Встрѣчаются и болѣе мелкія погрѣшности, напр. Углешъ Мрнявчевичъ, родительный Углеша вмѣсто Углеша именительный (стр. 49), Целеби (стр. 189) вмѣсто Челеби и др.

Несмотря на это, въ виду того, что книга *) г. Яцимирскаго даетъ богатый и часто новый цѣнный матеріалъ для біографіи Цамблака и югославянской письменности его времени, г. рецензентъ позволяетъ себѣ считать ее заслуживающею награжденія Ломоносовскою преміей.

III.

Три выпуска труда **В. А. Погорѣлова**, вышедшаго въ серіи изданія: «Описаніе рукописей Типографской Библіотеки» а) «*Сборники и Лексиконы*» (*Вып. 2-й*), б) «*Псалтыри*» (*Вып. 3-й*) и в) «*Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702 — 1727*» (*Вып. 4-й*) — были разсмотрѣны ординарнымъ академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Трудъ г. Погорѣлова составляетъ часть обширнаго описанія рукописнаго собранія Московской Типографской библіотеки. Первый выпускъ этого описанія принадлежитъ г. Орлову. Второй, третій и четвертый — принадлежащіе г. Погорѣлову, посвящены 1) сборникамъ и лексиконамъ (№№ 25 — 44), 2) псалтырямъ (№№ 45 — 63) и 3) матеріаламъ и оригиналамъ Вѣдомостей 1702 — 1727 гг. (№№ 64 — 82), всего 58 рукописямъ

---

*) Представленный на премію въ рукописи А. И. Яцимирскимъ трудъ носилъ такое заглавіе: «Григорій Цамблакъ, его жизнь и время» и «Григорій Цамблакъ, его литературная и книжная дѣятельность», но при печатаніи первоначальный планъ изслѣдованія былъ нѣсколько измѣненъ авторомъ и обѣ части (историческая и литературно-библіографическая) соединены въ одну, причемъ нѣкоторые отдѣлы второй части совсѣмъ опущены и отнесены къ введенію для начатаго имъ изданія текстовъ произведеній Григорія Цамблака. Поэтому въ разсматриваемомъ трудѣ имъ оставлены только тѣ отдѣлы изъ второй части, которые представляютъ извѣстный біографическій матеріалъ.

XIII — XVIII вѣковъ. При описаніи псалтырей г. Погорѣловъ помѣстилъ статью: *«О редакціяхъ славянскаго перевода псалтыри«* (стр. V — LXIV).

Что касается до описанія, то оно отличается разносторонностью и подробностью. Г. Погорѣловъ касается и матеріала рукописей (главнымъ образомъ водяныхъ знаковъ на бумагѣ), и языка, и содержанія. Вездѣ онъ даетъ полезныя данныя, иногда небольшія, но цѣнныя изслѣдованія. Но дѣло не всегда обходится безъ неточностей.

Этюдъ о редакціяхъ псалтырнаго текста имѣетъ свое значеніе. Онъ представлялъ бы еще бо̀льшую цѣнность, еслибы былъ основанъ на спискахъ не только Типографской Библіотеки, но и другихъ нашихъ собраній, въ которыхъ псалтырь и безъ толкованій, и съ толкованіями представляется значительнымъ числомъ номеровъ.

Въ виду того, что трудъ г. Погорѣлова представляетъ лишь небольшую часть описанія Типографской библіотеки, не смотря на нѣкоторыя несомнѣнныя его достоинства, г. рецензентъ полагаетъ, что Отдѣленіе можетъ присудить ему лишь почетный отзывъ.

Комиссія, разсмотрѣвъ представленныя сочиненія и полученныя къ указанному правилами о присужденіи Ломоносовскихъ премій сроку рецензіи на нихъ: ординарнаго академика А. И. Соболевскаго и профессора П. А. Лаврова, не нашла возможнымъ присудить полной Ломоносовской преміи (въ тысячу рублей) никому изъ упомянутыхъ соискателей. Вопросъ же о правѣ всѣхъ соискателей на награжденіе представленныхъ ими трудовъ половинными Ломоносовскими преміями былъ рѣшенъ закрытою баллотировкою. Такимъ образомъ были присуждены большинствомъ голосовъ двѣ половинныя преміи, по пятисотъ рублей каждая, — профессору В. Н. Перетцу и А. И. Яци-

мирскому. Что же касается труда В. А. Погорѣлова, то Комиссія нашла справедливымъ отличить его почетнымъ отзывомъ имени Ломоносова.

Означенное заключеніе Комиссіи Отдѣленіе русскаго языка и словесности единогласно утвердило и постановило выразить свою искреннюю благодарность гг. рецензентамъ, разсматривавшимъ по его порученію поступившіе на Ломоносовскій конкурсъ печатные и рукописные труды.

Слѣдующее ближайшее присужденіе Ломоносовскихъ премій по Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ — послѣдуетъ въ 1905 году. Крайнимъ срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 1-ое іюня 1905 года.

I.

В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902.

В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи. Спб. 1903.

Рецензія Академика **А. И. Соболевскаго.**

I.

Первая, большая половина «Изслѣдованій» посвящена вопросу о происхожденіи тоническаго стиха въ великорусской искусственной поэзіи XVIII вѣка. Автору посчастливилось открыть русскіе стихи извѣстнаго пастора Глюка и его сотрудника и преемника по нѣмецкой школѣ въ Москвѣ, магистра Пауза, имѣющіе тоническое основаніе и въ этомъ отношеніи, несмотря на незначительность содержанія, представляющіе несомнѣнную цѣнность. Далѣе, чрезъ разсмотрѣніе біографіи Пауза и судебъ оставшихся по его смерти бумагъ, авторъ поставилъ въ связь тоническіе стихи Глюка и Пауза съ тоническими же стихами Тредьяковскаго. Эта часть «Изслѣдованій» даетъ также много новыхъ свѣдѣній о школьномъ дѣлѣ въ Москвѣ Петровской эпохи, между прочимъ документы относительно нѣмецкой школы въ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, въ первой части «Изслѣдованій» есть слабая сторона. Это — незнакомство автора съ нѣкоторыми давно уже изданными матеріалами, использованными какъ въ другихъ тру-

дахъ, такъ особенно въ диссертаціи М. Ф. Владимирскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка», а также и съ самой этой диссертаціей. Оно привело автора къ нѣсколькимъ ошибкамъ или неудачнымъ замѣчаніямъ, къ счастію, почти исключительно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о школѣ Глюка.

На стр. 73 В. Н. Перетцъ недоумѣваетъ, откуда Пекарскій взялъ свои свѣдѣнія объ этой школѣ и о программѣ Глюка. Между тѣмъ программа была напечатана впервые митрополитомъ Евгеніемъ въ журналѣ *Другъ Просвѣщенія* 1806 года; потомъ она появилась на страницахъ «Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей» того же Евгенія (М. 1838). Хотя послѣдній не указалъ, гдѣ находится подлинникъ программы, тѣмъ не менѣе, въ виду близости Евгенія къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому и А. Ѳ. Малиновскому, можно было предполагать, что ее слѣдуетъ искать въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. И дѣйствительно, она, автографъ Глюка, хранится въ этомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими документами о Глюкѣ, и имѣетъ быть въ скоромъ времени издана С. А. Бѣлокуровымъ [1]).

На стр. 157 В. Н. Перетцъ говоритъ о педагогическомъ персоналѣ школы Глюка-Пауза и между прочимъ замѣчаетъ: «трудно приписать приглашеніе Штуревеля (одного изъ учителей) ко времени до мая 1705 года, какъ это дѣлаетъ Пекарскій, называя учителя конной ѣзды: Штурмевель». Между тѣмъ въ «каталогѣ учителей и наукъ», находящемся при программѣ Глюка и вмѣстѣ съ послѣднею изданномъ Евгеніемъ, значится и Штурмевель, «конскій учитель».

На стр. 165 у автора мы читаемъ: «М. И. Демковъ... совершенно безосновательно утверждаетъ, что въ школѣ Глюка было въ 1706 году 300 учениковъ». Г. Демковъ взялъ эту цифру у М. Ф. Владимирскаго-Буданова, который привелъ выписку изъ документа, напечатаннаго И. Д. Бѣляевымъ въ га-

1) *Трудомъ С. А. Бѣлокурова, посвященнымъ нѣмецкимъ школамъ въ Москвѣ при Петрѣ и уже приготовленнымъ къ печати,* В. Н. Перетцъ *кое-гдѣ воспользовался.* См. стр. 154, 197.

зетѣ *День* 1863 года, № 15, и теперь хранящагося въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1573. Этотъ документъ — не что иное, какъ докладъ царю Петру о нѣмецкой школѣ, 1706 года, съ резолюціей Петра. Докладъ предлагаетъ увеличить очень скромное въ то время число учениковъ школы до 300; резолюція Петра гласитъ: «больше 100 человѣкъ не принимать» [1]).

На стр. 189 авторъ упоминаетъ о Коетѣ и замѣчаетъ, что это лицо было знакомо съ Паузомъ. Изъ только что упомянутаго документа видно, что Коетъ и Веселовскій были какъ-бы попечителями нѣмецкой школы.

На стр. 164—165 авторъ указываетъ на связь школы Глюка-Пауза съ школами піэтистовъ въ Германіи и Швеціи. Онъ могъ бы подкрѣпить свое указаніе ссылкою на важное свидѣтельство Фоккеродта о томъ, что Глюкъ «устроилъ свое училище совершенно по правиламъ шведскаго церковнаго устава» («Россія при Петрѣ Великомъ», М. 1874, стр. 101), передающее намъ мнѣніе о школѣ жившихъ въ Москвѣ иноземцевъ [2]).

Конечно, эти мелочи не имѣютъ значенія и мало замѣтны [3]).

Какъ мы уже сказали, авторъ поставилъ въ связь тоническіе стихи Глюка и Пауза съ тоническими же стихами Тредьяковскаго.

Онъ не вѣритъ, что русская *народная* пѣсня оказала вліяніе на теоретическія построенія Тредьяковскаго. По его мнѣнію, Тредьяковскій былъ лишь «скромный компиляторъ въ области теоріи поэзіи и никогда особой рѣшительности и изобрѣтательности не обнаруживалъ», да и стихотворенія его по своему строенію имѣютъ очень мало сходства съ народными пѣснями (стр. 69).

---

1) Здѣсь же упоминается о девяти стипендіяхъ Посольскаго приказа въ этой школѣ и трехъ Ижерской канцеляріи. Ср. у В. Н. Перетца стр. 164.

2) И. А. Шляпкинъ отсюда заключаетъ о пропагандѣ Глюкомъ и Паузомъ лютеранства (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902 г., № 9, стр. 237), но мы не видимъ для этого достаточныхъ основаній. Ср. у В. Н. Перетца стр. 224.

3) Укажемъ еще на одну мелочь. Авторъ не знаетъ о существованіи упомянутой у митрополита Евгенія книжки Глюка: «Ara et honoris et amoris», Hall. Sax. 1680, f., гдѣ находится стихотвореніе Глюка на *славянскомъ*, еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Мы не сумѣли найти эту книжку.

Это вынуждаетъ В. Н. Перетца «искать такое посредствующее звено, которое бы могло связать намъ теорію Тредьяковскаго съ жизнью и указало бы, какой образецъ могъ послужить руководящей нитью» Тредьяковскому «въ его открытіи». «И такое звено, продолжаетъ авторъ, — имѣется. Оно создано трудами двухъ незаслуженно забытыхъ исторіей дѣятелей русской литературы». Это — Глюкъ и Паузъ, «писавшіе тоническіе стихи по образцу нѣмецкаго тоническаго стиха еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка». Но у Тредьяковскаго, по автору, есть заслуга: онъ «имѣлъ смѣлость воспользоваться опытомъ» Глюка и Пауза (стр. 34).

Но какъ Тредьяковскій могъ познакомиться съ открытіемъ ученыхъ нѣмцевъ и оцѣнить его? Нѣтъ основаній предполагать близкое личное знакомство Тредьяковскаго съ Паузомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и устныя бесѣды ихъ о русскомъ стихосложеніи. Изъ данныхъ относительно судьбы книжнаго имущества Пауза, приведенныхъ В. Н. Перетцемъ, не видно, чтобы Тредьяковскій интересовался этимъ имуществомъ. Дѣйствительно, выписки изъ источниковъ по русской исторіи могли интересовать академика Байера и другихъ нѣмцевъ, не знавшихъ по-русски; стихи Глюка и Пауза даже ихъ едва ли интересовали. А чѣмъ изъ имущества Пауза могъ заинтересоваться Тредьяковскій? Матеріалами по русской исторіи? Но онъ понималъ источники русской исторіи несравненно лучше, чѣмъ Паузъ, и они были для него болѣе доступны, чѣмъ для Пауза. Стихами? Но содержаніе ихъ для него было совершенно неинтересно, а ихъ нѣмецко-русскій языкъ съ сочиненными словами, съ пропускомъ звуковъ, съ неправильными оборотами, вообще странный (или даже смѣшной) для русскаго слуха, могъ лишь оттолкнуть его отъ нихъ. Стихотворнымъ размѣромъ? В. Н. Перетцъ, привыкшій къ тоническимъ размѣрамъ, увидѣлъ въ нихъ тоническіе стихи; а Тредьяковскому, смотрѣвшему на стихи сквозь призму силлабической теоріи, едва ли можно было усмотрѣть въ нихъ что-нибудь для себя новое; онъ имѣлъ полное основаніе принимать за плохіе силлабическіе — такіе, напримѣръ, стихи:

Охъ, времена прескорбная,
Весь Бога сонмъ скорбится;
Плачемъ вси: сынъ Божіи
Мученъ во гробъ вложится (№ 15);

или:

Іисусъ Христосъ Спаситель,
Смерти насилитель,
Гроба оставилъ,
Всталъ и насъ избавилъ (№ 21).

Сверхъ того, съ подобными *латинскими* риѳмованными стихами Тредьяковскій былъ прекрасно знакомъ; они писались не только нѣмцами, но и поляками и русскими. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ послѣдняго стихотворенія въ уніатской книжкѣ: «Акаѳістъ, sive Laudes quas Beatissimae Virgini Mariae...», Vilnae, 1650:

Animatus liber Christi,
Consignatus Spiritu,
Virgo, angelo fuisti
Qui Dei praemonitu
Dixit: Ave, quae solvisti
Alligatos gemitu.

Необходимо также обратить вниманіе на то обстоятельство, что Тредьяковскій въ старшихъ своихъ тоническихъ стихахъ пользуется хореемъ, между тѣмъ какъ Глюкъ и Паузъ пишутъ разными размѣрами, между прочимъ ямбомъ [1]).

1) Детальное изученіе стихотворнаго перевода Псалтыри Тредьяковскаго, говоритъ авторъ, «обнаружитъ намъ, *безъ сомнѣнія*, зависимость его стиха, *особенно ямбическаго*, отъ нѣмецкихъ оригиналовъ, если не отъ переводовъ Глюка и Пауза» (стр. 343). В. Н. Перетцъ забылъ, что Псалтырь Тредьяковскаго, гдѣ есть ямбическій размѣръ, получила окончательный видъ уже тогда, когда вошелъ въ славу Ломоносовъ съ его ямбическимъ размѣромъ. Необходимо имѣть въ виду, что Ломоносовъ оказалъ значительное вліяніе на позднѣйшія произведенія Тредьяковскаго. Достаточно сравнить языкъ силлабическихъ одъ Тредьяковскаго съ ихъ позднѣйшими тоническими передѣлками, чтобы видѣть это вліяніе.

Словомъ, мы не видимъ возможности установить связь между стихами Тредьяковскаго съ одной стороны и стихами Глюка и Пауза, для того, чтобы сказать, что первый подражалъ послѣднимъ [1]).

Откуда же взялась тоническая теорія Тредьяковскаго?

По нашему мнѣнію, она—открытіе Тредьяковскаго. Тредьяковскій не имѣлъ вкуса и не умѣлъ справиться съ русскимъ языкомъ своего времени; но онъ былъ человѣкъ и неглупый, и трудолюбивый; ему никакъ нельзя отказать въ большомъ интересѣ къ теоретическимъ вопросамъ. Открыть тоническій стихъ ему было нетрудно, такъ какъ въ его время этотъ размѣръ — конечно, въ несовершенномъ видѣ — уже существовалъ *на практикѣ*.

Въ концѣ XVII-го и первой четверти XVIII вѣковъ, лучше — въ Петровскую эпоху, *рядомъ съ правильными силлабическими* стихотвореніями московскихъ ученыхъ въ родѣ К. Истомина и Ѳ. Поликарпова, существовали стихотворенія разныхъ поэтовъ-профановъ, не знавшихъ никакой стихотворной теоріи и писавшихъ по слуху, на основаніи съ одной стороны малорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ образцовъ, съ другой—русскихъ народныхъ пѣсенъ лирическаго характера. Это были почти исключительно *пѣсни* о любви, приличныя и — что̀ нерѣдко — неприличныя. Они до насъ дошли и въ рукописныхъ пѣсенникахъ половины XVIII вѣка, и въ повѣсти Петровской эпохи объ Александрѣ кавалерѣ россійскомъ, герои котораго усердно упражняются въ стихотворствѣ. Вотъ, напримѣръ, начало «аріи» главнаго героя (по списку Археографической Комиссіи):

Ди́вну кра́соту́ твою́, | гра́де Ли́лль, я ны́нѣ зрю́:
Врата имашь позлащенны,
Внутри копьи изощренны.
Что чинишь со мною прю?

---

1) Сравни слова В. Н. Перетца въ его статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902 года, № 10, стр. 491.

Мы не имѣемъ для нихъ никакихъ датъ; имена ихъ творцовъ намъ неизвѣстны. Впрочемъ можно назвать одно имя[1]); это — дочь Петра, будущая императрица Елизавета, одна пѣсня которой, наиболѣе извѣстная, въ разныхъ редакціяхъ издана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Безсоновымъ, а другая, дошедшая въ ея собственноручномъ наброскѣ, — въ «Отчетѣ Импер. Публичной Библіотеки за 1870 годъ», стр. 159. Вотъ первая строфа изъ послѣдней:

Вся́кій ра́зсужда́етъ, ка́къ въ свѣ́тѣ бъ жи́ть,
А недоу́мѣва́етъ[2]), ка́къ съ рокомъ бы быть,
Что́ така́ тоска́ и жи́знь не мила,
Когда другъ не зрится, лучше бъ жизнь лишиться, —
Вся то красота.

II.

Во второй половинѣ «Изслѣдованій» В. Н. Перетцъ использовалъ стихи и бумаги южно-русскаго священника Некрашевича, относящіяся къ 70-мъ и 80-мъ годамъ XVIII столѣтія. Этотъ писатель не имѣлъ крупнаго литературнаго таланта, и его значеніе нашимъ авторомъ опредѣляется такъ: онъ донесъ до XIX вѣка «драгоцѣнное наслѣдіе старой малорусской литературы — своеобразный стиль, стихъ и языкъ, которому затронутые великорусской литературой малоруссы уже начинали измѣнять» (стр. 422); иными словами — Некрашевичъ важенъ тѣмъ, что отсталъ отъ вѣка и повторялъ зады, сохраняя даже «своеобразный» литературный языкъ кіевскихъ ученыхъ, въ родѣ Галятовскаго, ту «польскую барбарію», о которой такъ рѣзко отзывается Курбскій. Въ другомъ мѣстѣ В. Н. Перетцъ говоритъ, что Некрашевичъ

1) Мы не знаемъ стихотвореній Вилима Монса и его секретаря Егора Столѣтова, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, и потому не рѣшаемся называть эти лица.

2) Надо читать: *како, недумњваетъ?*

занимаетъ «видное» мѣсто въ числѣ «піонеровъ пролагавшихъ путь поэзіи Шевченка» (стр. 376).

Дѣйствительно, связь между комическою сценкою изъ народнаго быта «Ярмарокъ», Некрашевича, и интерлюдіями изъ того же быта Довгалевскаго и т. п. есть; Некрашевичъ пользуется народнымъ языкомъ для усиленія комическаго элемента, какъ пользуются въ южной Россіи Довгалевскій и Котляревскій[1]), въ сѣверной Россіи Лукинъ («Щепетильникъ»), Михаилъ Поповъ (комическая опера «Анюта» 1772 года), Матинскій (комическая опера «С.-Петербургскій гостинный дворъ» 1791 года), Н. Осиповъ («Виргиліева Енеида на изнанку» 1791—1796 годовъ), кн. Шаховской (водевиль «Казакъ стихотворецъ» 1812 года)[2]), но собственный литературный языкъ Некрашевича имѣетъ лишь то общее съ литературнымъ языкомъ Галятовскаго и т. п., что онъ совершенно не народенъ. Если бы В. Н. Перетцъ прочиталъ съ бо́льшимъ вниманіемъ «Споръ души съ тѣломъ», «Письмо» къ Ивану Филиповичу, «Письмо» къ о. Криницкому, рѣчи духовника въ «Исповѣди», онъ увидѣлъ бы ясно, что Некрашевичъ старается писать, *сколько можетъ*, по-великорусски, на языкѣ великорусскихъ литературныхъ произведеній второй половины XVIII вѣка, иногда съ такими церковно-славянизмами, которые были во вкусѣ лишь крайнихъ сторонниковъ «стараго слога»: *хощу*, *есмь*, *содержай*, *возбуждаяй*, *пекійся* (прич.), иногда съ великорусскими вульгаризмами: Трудно со мною тебѣ, *вить* (= вѣдь) не переспоришь (стр. 152), Не лги, тѣло, на меня, я *вить* есмь духовна (стр. 153), Что я грѣшно, а не ты, *вить* вмѣстѣ съ тобою грѣшило (стр. 154), *Вотъ* я съ нимъ тотчасъ тебѣ на отвѣтъ готово (стр. 152), *Нада* (= надо), хоть и не рада, рада бъ улетѣти (стр. 153), Я къ тому давно уже *подлинно* готова (стр. 154).

---

1) Въ XVII вѣкѣ народнымъ малорусскимъ языкомъ для комическихъ сценъ пользуются и поляки. См. интерлюдіи Гаватовича въ «Запискахъ» Общества им. Шевченка, т. XXV—XXVI.

2) См. нашу статью: «Къ юбилею И. П. Котляревскаго» въ «Библіографѣ» 1889 г., № 10.

Употребленіе въ южной Россіи второй половины XVIII вѣка, въ качествѣ литературнаго языка, — языка Тредьяковскаго и Ломоносова, — явленіе обычное[1]). Оно тѣсно связано съ распространеніемъ здѣсь великорусской литературы. В. Н. Перетцъ приводитъ изъ піитики Кіевской Академіи, повидимому, половины XVIII вѣка, ссылки на Тредьяковскаго и Ломоносова. Первый именуется «insignissimus nostrae rossiacae poëseos auctor Trediakowski Bazilius», а о второмъ говорится: «in nostro idiomate maxime legendus est Michaël Lomonosow» (стр. 65). Благодаря преподаванію великорусскаго языка въ южно-русскихъ школахъ (въ ихъ числѣ — въ Кіевской Академіи)[2]), южно-русскіе писатели второй половины XVIII вѣка пишутъ на этомъ языкѣ, конечно, съ большимъ или меньшимъ числомъ погрѣшностей (подъ вліяніемъ мѣстнаго нарѣчія), и напримѣръ, Сковорода, который былъ старше Некрашевича лѣтъ на 10, въ старшихъ своихъ одахъ, пѣсняхъ и разговорахъ пользуется довольно сноснымъ великорусскимъ литературнымъ языкомъ, слѣдуя, какъ за образцомъ, всего чаще за Ломоносовымъ[3]); а Леванда, ровесникъ Некрашевича (стр. 377), вполнѣ удовлетворительно владѣетъ великорусскимъ литературнымъ языкомъ и пишетъ на немъ такъ, какъ пишутъ лучшіе его современники великоруссы[4]). Вѣроятно, къ концу XVIII вѣка великорусскій языкъ былъ уже повседневнымъ, домашнимъ языкомъ малорусской интеллигенціи (на восточной сторонѣ Днѣпра и въ Кіевѣ); во всякомъ случаѣ въ семьѣ, напримѣръ, Гоголя уже отецъ и мать великаго писателя

---

1) То же можно сказать и о дѣловомъ языкѣ, языкѣ судовъ и канцелярій. Выписки изъ дѣловыхъ писемъ Некрашевича и др. на великорусскомъ языкѣ у В. Н. Перетца на стр. 400—402.

2) Объ этомъ нѣсколько словъ въ нашей статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1904 г., № 5, стр. 226.

3) Напримѣръ, духовная ода Сковороды («пѣснь 20-я») — подражаніе духовнымъ одамъ Ломоносова (съ ломоносовскимъ размѣромъ). «Сочиненія Г. С. Сковороды», Харьковъ, 1894, стр. 274.

4) См. извлеченіе изъ его шутливой оды у Н. И. Петрова, «Очерки изъ исторіи украинской литературы. Кіевская искусственная литература XVIII вѣка». Кіевъ, 1880.

говорили по-великорусски, и Гоголь выросъ на великорусскомъ языкѣ. Не только самъ Гоголь, но и его мать переписывается съ своими родными на этомъ языкѣ.

III.

«Изслѣдованія» В. Н. Перетца заключаютъ въ себѣ обширное «приложеніе» съ текстами, извлеченными изъ рукописей разныхъ библіотекъ (переводы Глюка и Пауза, документы и сочиненія Пауза, сочиненія Некрашевича), и списками (бумагъ Пауза, хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ).

«Очерки» также заключаютъ въ себѣ по преимуществу матеріалы, извлеченные изъ рукописей: славянскій текстъ «Эпиникіона» Ѳеофана Прокоповича по случаю Полтавской побѣды, три великорусскихъ пѣсни (романса) со сходнымъ началомъ, пѣсню Сковороды. Эти матеріалы не всѣ одинаково цѣнны и не всегда отличаются достаточной новизной. Они сопровождаются замѣчаніями разнаго достоинства. Изъ послѣднихъ для насъ особенно интересны тѣ, которыя посвящены распространенію у малороссовъ конца XVIII — начала XIX вѣковъ великорусскихъ романсовъ (Сумарокова и др.).

Заключая нашъ разборъ трудовъ В. Н. Перетца, мы можемъ сказать, что по богатству новаго матеріала и по самостоятельности изслѣдованія, они вполнѣ заслуживаютъ вниманія и поощренія со стороны Академіи Наукъ.

II.

А. И. Яцимирскій. Григорій Цамблакъ, очеркъ его жизни и дѣятельности. Рукопись.

Рецензія профессора **П. А. Лаврова.**

Трудъ А. И. Яцимирскаго представляетъ обширную монографію о жизни и дѣятельности *Григорія Цамблака.* Авторъ съ подробностію останавливается на біографическихъ данныхъ объ этомъ писателѣ и въ связи съ его церковно-общественною дѣятельностью касается и его литературныхъ произведеній, пользуясь при этомъ какъ славянскими источниками, такъ и источниками румынскаго происхожденія. Благодаря этому обстоятельству авторъ иногда находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ многими изъ своихъ предшественниковъ, между которыми русскіе не всегда могли пользоваться румынской литературой о *Цамблакѣ* и обратно румынскіе изслѣдователи не всегда умѣли должнымъ образомъ оцѣнить вопросы, соприкасающіеся съ исторіей славянской письменности.

Послѣ краткаго указанія работъ своихъ предшественниковъ авторъ начинаетъ съ разбора происхожденія *Цамблака,* примыкая при этомъ къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ его болгариномъ. Г. Яцимирскій видитъ въ *Григоріи Цамблакѣ* уроженца Тырнова, родившагося въ 1364 г. Въ отличіе отъ предшественниковъ онъ полагаетъ, что *Цамблакъ* покинулъ Тырново гораздо ранѣе 1394 г. и жилъ сначала на Аѳонѣ, гдѣ въ 1389 г. имъ были переписаны Творенія Исаака Сирина въ лаврѣ св. Аѳанасія. Нужно однако замѣтить, что въ означенной рукописи *Гавріилъ* не названъ *Цамблакомъ* и авторъ основывается въ этомъ случаѣ на отождествленіи его съ схимникомъ Нямецкаго монастыря *Гавріиломъ,* котораго онъ въ

свою очередь отождествляетъ съ *Григоріемъ Цамблакомъ*. На Аѳонѣ *Григорій* принялъ монашество. Ко времени пребыванія его въ Константинополѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе похвальнаго слова св. Георгію и сказанія о перенесеніи мощей св. Параскевы. Получивъ должность патріаршаго келейнаго инока, *Григорій* по порученію патріарха Матвѣя отправляется въ Молдавію для слѣдствія о посвященіи молдавскаго митрополита галичскимъ архіепископомъ Антоніемъ. Ко времени пребыванія въ Сочавѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе и произнесеніе *Григоріемъ* словъ на Рождество Богородицы, тремъ отрокамъ, о божественныхъ тайнахъ, объ усопшихъ, объ иноческомъ житіи, на Рождество Іоанна Крестителя, похвалы Петру и Павлу и мученія св. Іоанна Новаго. Отвергая игуменство *Григорія* въ Дечанскомъ монастырѣ въ концѣ XIV в., г. Яцимирскій утверждаетъ, что онъ отъ 1403 г. по 1406 г. былъ игумномъ Пантократорова Нямецкаго монастыря. Здѣсь имъ были составлены и произнесены слова: 1) похвальное мученикамъ, 2) похвальное св. Георгію, 3) пророку Иліи, 4) на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, 5) о постѣ и слезахъ, 6) о милостыни и нищихъ, 7) въ воскресенье цвѣтное, 8) въ великій четвертокъ, 9) въ великій пятокъ. Вызванный въ 1406 г. въ западно-русскія области митрополитомъ Кипріаномъ *Цамблакъ* уѣзжаетъ изъ Нямецкаго монастыря въ Вильну, но, получивъ извѣстіе о смерти Кипріана, удаляется въ Сербію. Здѣсь къ 1407—1408 г. г. Яцимирскій относитъ составленіе житія Стефана Дечанскаго. Переходя затѣмъ къ пребыванію *Григорія* въ Россіи, авторъ подробно останавливается на тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ *Цамблакъ* занялъ Кіевскую митрополію и вызвалъ противодѣйствіе Московскаго митрополита Фотія. Къ этому періоду относитъ авторъ а) составленіе похвальнаго слова Кипріану, произнесеннаго по его мнѣнію не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ въ 1409—1410 г. и в) семи словъ: 1) въ недѣлю вербную, 2) на вознесеніе, 3) на преображеніе, 4) на успеніе, 5) на воздви-

женіе, 6) похвалы великомученику Димитрію и 7) Евѳимію Тырновскому въ 1410—1417 г. Касаясь вопроса объ участіи *Цамблака* на Констанцкомъ соборѣ, г. Яцимирскій пользуется западными источниками и польской литературой по этому предмету; здѣсь онъ разбираетъ два слова, произнесенные *Григоріемъ* предъ отцами собора. Переходя затѣмъ къ возвращенію *Григорія* въ Россію, авторъ останавливается на фактахъ, относящихся къ послѣднимъ днямъ его жизни въ Кіевѣ. Вопреки извѣстіямъ нашихъ лѣтописей о послѣдовавшей вскорѣ смерти *Григорія*, г. Яцимирскій является защитникомъ того взгляда, что *Цамблакъ*, тайно оставивъ наше отечество, удалился вь Румынію и здѣсь, принявъ схиму въ Нямецкомъ монастырѣ, жилъ до 1450 г. подъ именемъ схимника *Гавріила*. Авторъ группируетъ цѣлый рядъ доказательствъ прямыхъ и косвенныхъ, собранныхъ имъ изъ разныхъ источниковъ, которыя приводятъ его къ убѣжденію въ тождествѣ *Григорія* и *Гавріила*. Какъ разъ въ близкое къ смерти *Цамблака* время является въ Нямецкомъ монастырѣ инокъ *Гавріилъ*, которому принадлежатъ многочисленные книжные труды, главнымъ образомъ переписка разнообразнаго содержанія церковныхъ книгъ, въ которыхъ проведено правописаніе въ духѣ реформы патріарха Евѳимія. Къ 1432 г. молдавскія лѣтописи относятъ посольство въ Охридъ съ каноническими и культурными цѣлями, во главѣ котораго называютъ *Цамблака*. Это даетъ г. Яцимирскому поводъ коснуться вопроса о начаткахъ славянской письменности въ Молдавіи. Онъ оспариваетъ мнѣніе румынскихъ ученыхъ о томъ, что въ Молдавіи славянской письменности предшествовала латинская. Предлагая характеристику румынской культуры по труду проф. Богдана и сопровождая ее интересными дополнительными замѣчаніями, г. Яцимирскій упоминаетъ о рукописяхъ румынскаго происхожденія до 1424 г.— изъ которыхъ, замѣтимъ, многія едва ли можно относить къ Румыніи — а за тѣмъ переходитъ къ обозрѣнію письменности Молдавіи и Валахіи. Отмѣчая, что Валахи еще въ XIV в. на-

ходились въ сношеніяхъ съ Болгарами, г. Яцимирскій признаетъ, что молдавская письменность начинается позднѣе. Труды *Гавріила*, начиная съ 1423—1424 г. являются въ Молдавіи первыми опытами. Слѣдуетъ ихъ подробное описаніе (стр. 345—378). Не ограничиваясь этимъ г. Яцимирскій извлекаетъ изъ этихъ рукописей данныя, касающіяся палеографической стороны трудовъ *Гавріила* и проведеннаго въ нихъ правописанія. Кратко оцѣнивая типичный характеръ молдавскаго письма вообще и орнаментацію молдавскихъ рукописей, онъ приписываетъ ихъ блестящую внѣшность народному румынскому духу. Характеризуя затѣмъ правописаніе *Гавріила*, онъ составляетъ какъ бы руководство къ рукописямъ *Гавріила*, на подобіе правилъ, предложенныхъ Константиномъ Костенчскимъ. Наконецъ г. Яцимирскій высказываетъ мнѣніе, что и начало Молдавской исторіографіи положено *Гавріиломъ*, которому можно приписывать тульчанскую лѣтопись. Въ заключеніе слѣдуетъ глава, въ которой собраны преданія о *Цамблакѣ* въ Молдавіи и предлагаются замѣчанія, относящіяся къ противорѣчивымъ отзывамъ о немъ новѣйшихъ историковъ. При этомъ г. Яцимирскій защищаетъ *Цамблака* отъ подозрѣній въ измѣнѣ православію и подводитъ итогъ распространенности трудовъ *Цамблака* въ славянской письменности. Работа заканчивается хронологическимъ перечнемъ біографическихъ и книжныхъ данныхъ, относящихся къ дѣятельности *Григорія-Гавріила Цамблака*.

Изъ предложеннаго нами краткаго обозрѣнія труда г. Яцимирскаго видно, что онъ отличается особенной полнотой и обиліемъ матеріаловъ, привлеченныхъ для біографіи *Цамблака* и оцѣнки его литературной дѣятельности. Эти матеріалы въ значительной степени собраны авторомъ впервые. Онъ могъ это сдѣлать только послѣ обстоятельнаго знакомства съ рукописными богатствами библіотекъ въ Румыніи и Бессарабіи. Въ этой области г. Яцимирскому принадлежатъ заслуживающіе полнаго признанія труды, а именно описаніе рукописей

Нямецкаго монастыря въ Молдавіи и Ново-Нямецкаго въ Бессарабіи (помѣщено во II т. Трудовъ Славянской Ком. при Москов. Археолог. Общ.) и обширное описаніе рукописей румынскихъ книгохранилищъ. Теперь оно вышло въ LIIIX т. Сборника Акад. Наукъ подъ заглавіемъ: Славянскія и русскія рукописи Румынскихъ Библіотекъ. Спб. 1905. Сверхъ того имъ напечатана книга: «Изъ славянскихъ рукописей, тексты и замѣтки. Москва 1898 г.» и помѣщались статьи въ Извѣстіяхъ.

Не малую заслугу автора составляетъ группировка различныхъ произведеній *Цамблака* съ удачными иногда попытками ихъ хронологическаго пріуроченія къ извѣстнымъ годамъ. Здѣсь однако приходится считаться съ затрудненіями, которыя зависятъ уже отъ самого характера такихъ произведеній, каковы различныя проповѣди и слова на праздничные и другіе дни церковнаго года. Въ такихъ словахъ далеко не всегда встрѣчаются какія либо опредѣленныя указанія на время и мѣсто ихъ составленія. При такомъ условіи приходится иногда руководиться соображеніями не вполнѣ убѣдительными.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ г. Яцимирскій придаетъ значеніе надписанію имени *Цамблака* въ рукописяхъ. Тѣ, въ которыхъ *Цамблакъ* названъ *Григоріемъ* монахомъ и пресвитеромъ (стр. 86—87), относятся г. Яцимирскимъ къ пребыванію *Цамблака* въ Молдавіи въ 1401—1402 гг., другія, въ которыхъ онъ названъ *Григоріемъ* монахомъ и пресвитеромъ, игумномъ обители Пантократоровы, пріурочены къ 1403—1406 гг., когда, по мнѣнію автора, *Цамблакъ* былъ игумномъ въ Нѣмецкомъ монастырѣ (стр. 110) и наконецъ третья большая группа словъ представлена тѣми изъ нихъ, въ которыхъ *Григорій* названъ архіепископомъ россійскимъ и которыя потому отнесены авторомъ ко времени пребыванія *Григорія* въ Россіи стр. 208. Понятное дѣло, то или иное надписаніе можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если оно подтверждается если не всѣми, то по крайней мѣрѣ старѣйшими списками и если слѣдовательно въ этомъ можно усматривать зависимость отъ того положенія, какое

въ различное время своей дѣятельности занималъ *Цамблакъ*. На самомъ дѣлѣ въ рукописяхъ не всегда соблюдается это однообразіе. Напр. въ сборникѣ монастыря св. Павла на Аѳонѣ во всѣхъ словахъ безъ различія *Григорій* названъ архіепископомъ россійскимъ. Въ словѣ на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи онъ названъ архіепископомъ Россійскимъ въ рук. Синод. № 235, Румянц. Муз. По этому необходимо опредѣлить, какимъ же рукописямъ въ подобныхъ случаяхъ отдавать предпочтеніе, а при этомъ было бы важно установить ихъ хронологію. А это г. Яцимирскимъ не всегда сдѣлано. При такихъ обстоятельствахъ было бы болѣе увѣренности въ важности надписанія, еслибы и самое содержаніе словъ подтверждало ихъ. Въ первой изъ отмѣченныхъ группъ таково прежде всего слово о божественныхъ тайнахъ и св. Филогоніи 20 декабря, въ которомъ проповѣдникъ, обращаясь къ паствѣ, говоритъ, что онъ будетъ радостнымъ вѣстникомъ у патріарха о благочестіи народа. Г. Яцимирскій относитъ эти слова къ посольству *Григорія Цамблака* въ Молдавію отъ лица вселенскаго патріарха Матѳея въ 1401 г. Эти указанія, сдѣланныя впрочемъ академикомъ Е. Е. Голубинскимъ, намъ кажется, заслуживаютъ полнаго вниманія и едва ли ихъ можно примѣнить къ пребыванію *Григорія* у насъ на Руси, какъ это допускалъ преосв. Порфирій, пользовавшійся этимъ словомъ для заключеній о нашей церковной жизни (сравни напр. его примѣчаніе на стр. 31, Перв. Пут. Ч. I, 2). Но изъ того же слова видно, что оно было произнесено не первымъ, что ему предшествовали другія. Гдѣ ихъ искать? Въ этомъ случаѣ всего естественнѣе въ числѣ тѣхъ, которыя имѣютъ одинаковое надписаніе, тѣмъ болѣе, что между ними есть три слова, связанныхъ одно съ другимъ IV, V, VI. Что касается остальныхъ, то конечно г. Яцимирскій вполнѣ правъ, располагая ихъ по числамъ мѣсяцевъ, но уже здѣсь основаніемъ является главнымъ образомъ надписаніе, при чемъ для двухъ первыхъ присоединяется указаніе на то, что были слова, сказанныя раньше третьяго. Во всякомъ случаѣ пріуроченіе этихъ словъ къ одной группѣ намъ

кажется однимъ изъ наиболѣе удачныхъ.—За то, что слова второй группы составляютъ одно цѣлое и относятся къ одному времени говоритъ уже исключительно ихъ надписаніе. Что касается ихъ, сомнѣнія могутъ вызываться уже бóльшей неопредѣленностію указанія, которое дается въ надписаніи. Имя Пантократоровой носили двѣ обители, въ которыхъ *Цамблакъ* могъ быть игумномъ, Дечанская и Нямецкая. Академикъ Е. Е. Голубинскій совершенно отрицаетъ игуменство *Цамблака* въ Нямецкомъ монастырѣ; наоборотъ г. Яцимирскій старается доказать, что оно было вполнѣ возможно. (Сравни также Kalužniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius стр. XXIV). Но никакихъ данныхъ изъ самыхъ словъ, которыми бы можно было подтвердить, что они говорены были въ Молдавіи, не приведено. То же можно сказать и о большинствѣ словъ, сказанныхъ въ Россіи. Совершенно другое дѣло, когда можно такъ или иначе заключать по самому содержанію словъ, по находящимся въ нихъ самихъ указаніямъ. Вполнѣ убѣдительно напр., что слово похвальное *св. Георгію* было написано въ 1397 г. Это есть единственно пріемлемый годъ, въ которомъ пасха приходилась 22 Апрѣля на канунѣ памяти святого, что отмѣчено проповѣдникомъ въ самомъ началѣ слова. Столь же удачно, по нашему мнѣнію приведены соображенія въ пользу того, что сказаніе о перенесеніи мощей св. Параскевы въ Сербію было написано за время 1399—1400 г. Труднѣе согласиться съ тѣми доводами, которые приводятся въ пользу того, что житіе Іоанна Бѣлградскаго составлено въ 1402 г. Г. Яцимирскій отвергаетъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые относили это житіе ко времени послѣ 1432 г. на основаніи фразы: **въ слоуха пріидоша иже тогда благочьстваго господствѫщомꙋ въсеѫ Молдовлахїѫ и поморїю воеводѣ ѡ Алеѯандроу**, гдѣ рѣчь о воеводѣ Александрѣ, какъ уже о покойномъ. Г. Яцимирскій оспариваетъ эту дату, утверждая, что *тогда* относится не къ прошлому времени, а настоящему. Такое объясненіе уже вызвало справедливыя возраженія. Указываемое авторомъ отсутствіе въ житіи имени Госпо-

дарыни Анны, которое однако находится въ проложномъ житіи этого св., разумѣется скорѣе говоритъ противъ заключеній автора. Если это имя находится въ похвальномъ словѣ этому св. игумена Θеодосія, который пользовался житіемъ, написаннымъ *Цамблакомъ* и др. источниками, то ясно, что въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія думать, что раньше это имя было и въ житіи *Цамблака* и оттуда вошло въ похвальное слово. Естественнѣе, что составителю слова было извѣстно и проложное житіе. Такимъ образомъ здѣсь въ пользу *Григорія Цамблака* говоритъ только заглавіе житія: **съписано Грїгорїємь мнихомь и презвитеромъ въ великои цръкви молдовлахїискои.** Но слѣдуетъ прибавить, что, относя это слово ко времени послѣ 1432 г., могутъ приписывать его составленіе *Григорію Цамблаку* только тѣ, кто отвергаетъ дату его кончины, указываемую въ нашихъ лѣтописяхъ. Иначе пришлось бы признать принадлежность этого слова какому либо иному лицу. Въ такомъ случаѣ необходимо было бы отвергать значеніе надписанія. При такихъ обстоятельствахъ нельзя не пожалѣть, что г. Яцимирскій ничего не сказалъ о языкѣ и стилѣ этого житія сравнительно съ другими произведеніями *Цамблака*. Скорѣе можно согласиться съ датой написанія житія Стефана Дечанскаго въ Сербіи въ 1407—1408 гг., только по нашему мнѣнію тоежде обители всего вѣроятнѣе можетъ обозначать: Дечанской. Иначе, еслибы предполагать какую либо другую, то это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибы такая была указана, но этого нѣтъ; въ рукописи предшествуютъ статьи другихъ авторовъ и за тѣмъ: **житїе стефана срьбскаго иже въ дечахь**, при чемъ авторъ его *Григорій* названъ: **мнихомь и презвитеромь игуменомь бывшїимь тоежде обители** (т. е. названной выше словами: **иже въ дечахь**). А такое указаніе особенно важно въ столь близкомъ ко времени *Цамблака* спискѣ, каковъ Панегирикъ Владислава грамматика 1479. Разумѣется, въ этихъ словахъ мы видимъ сохранявшееся въ Сербіи преданіе, что *Цамблакъ былъ игумномъ* Дечанскимъ; *такъ выразиться* могъ только составитель сборника XV в., такое заглавіе не могло

быть въ первоначальномъ надписаніи. Что касается отсутствія имени игумена *Григорія* въ старыхъ помянникахъ Дечанскаго монастыря (отмѣчаемъ странность этого выраженія, какъ будто есть нѣсколько помянниковъ!!), то слѣдовало бы г. Яцимирскому быть внимательнѣе и тогда, имѣя въ виду, что у Серафима Ристића есть лишь имена сербскихъ архіепископовъ и епископовъ на стр. 20, 21, онъ не искалъ бы въ этой книжкѣ именъ дечанскихъ игумновъ.

Слово похвальное патріарху Евѳимію г. Яцимирскій относитъ ко времени между 1410 и 1417 годами, но пріемлемость этой поздней даты много бы выиграла, еслибы у насъ было какое либо болѣе или менѣе положительное свидѣтельство о столь поздней кончинѣ патріарха Евѳимія. На самомъ же дѣлѣ ничего такого нѣтъ, и смерть Евѳимія относятъ къ столь позднему сроку только по тому, что предполагаютъ написаніе похвальнаго слова Евѳимію во время архіепископства *Цамблака* въ Кіевѣ. А такое предположеніе встрѣчаетъ, по нашему мнѣнію, заслуживающія вниманія возраженія проф. Калужняцкаго.

Что касается слова похвальнаго отцамъ Констанцкаго собора, извѣстнаго по рук. Вселен. библ., то предшественники г. Яцимирскаго не останавливались на немъ подробно. Въ то время какъ книга г. Яцимирскаго печаталась, это слово было издано проф. Н. К. Никольскимъ въ Изв. отдѣл. рус. яз. и словесн. 1903 кн. 2. Относительно автора этого слова есть разныя мнѣнія. Въ рукописной припискѣ высказано предположеніе, что это слово принадлежитъ Кіевскому митрополиту Исидору. Проф. Никольскій считаетъ возможнымъ приписывать это слово или *Григорію Цамблаку*, или ученику *Исидора Григорію*, ѣздившему вмѣстѣ съ *Исидоромъ* въ Римъ и получившему тамъ поставленіе на русскую архіепископію. Акад. Е. Е. Голубинскій предполагаетъ, не принадлежитъ ли это слово загадочному митрополиту молдавскому *Григорію*. Г. Яцимирскій рѣшительно высказывается за авторство *Цамблака*. Въ этомъ случаѣ, мы вполнѣ согласны, важно то, что *Цамблакъ* дѣйствительно былъ въ Констанцѣ, при-

вѣтствовалъ папу и отцовъ собора и кромѣ рѣчи его, сохранившейся въ Актахъ Собора, историками, занимавшимися этой эпохой, предполагается существованіе другого его слова. Что касается Флоренціи въ заглавіи этого слова, то подозрительно уже самое его мѣсто, прежде чѣмъ названъ Констанцъ. Скорѣе всего это позднѣйшая вставка. Важны также и стилистическія указанія. Напрасно только г. Яцимирскій не указалъ тѣхъ сопоставленій, о которыхъ онъ упомянулъ на стр. 198. Укажемъ напр., что выраженію: съединеніемъ жилъ же и артиріи (sic) всѣхъ и т. д. соотвѣтствуетъ напр. хотя бы слѣдующее въ похвальномъ словѣ 40 мученикамъ: отъ погтіи артеріямъ пріемлющимъ лютость и т. д. Слово артерія, по справкамъ въ словаряхъ, не принадлежитъ къ числу употребительныхъ. У Срезневскаго оно отсутствуетъ совсѣмъ, у Миклошича приведены примѣры, всѣ взятые изъ югославянскихъ источниковъ. Только одинъ источникъ именно Діоптру Михаила Пселла пришлось бы считать русскимъ, еслибы можно было признать вѣрнымъ заключеніе А. В. Горскаго о томъ, что переводъ Діоптры принадлежитъ русскому. Горскій основывался на словахъ: сїю бж҃твеную книгꙋ. гл҃емꙋю Єллинскою рѣчью диѡптрꙋ. нашею же рекше рꙋскою рѣчїю. зерцало и на указаніи пергаменнаго списка библіотеки графа Толстого, въ которомъ прибавлено, что книга переведена въ Ростовѣ. Но въ этомъ случаѣ составители описанія рук. Синод. библ. были введены въ заблужденіе описаніемъ рук. графа Толстого, въ которомъ было сказано: «о переводчикѣ извѣстно только изъ послѣсловія, что онъ переложилъ сію книгу въ Ростовѣ для нѣкоего Зиновія своего друга». На самомъ дѣлѣ въ рук. гр. Толстого вмѣсто слова русскою стоитъ ростовскою, что можетъ указывать лишь на происхожденіе переписчика изъ Ростова. Уже изъ выписокъ Горскаго видно было, что переводъ былъ сдѣланъ южнымъ славяниномъ, или болгариномъ, или сербомъ. Такія слова, какъ: еговъ, бѣлузнивъ, боубрѣгъ, фьфльтъ, осилїе, слапы, расохача, а также приведенныя въ примѣчаніи существуютъ и до сихъ поръ или въ бол-

гарскомъ нарѣчіи, или въ сербскомъ, или въ томъ и другомъ [1]). Многіе грецизмы также встрѣчаются въ юго-слав. переводныхъ памятникахъ напр. *пификъ* ср. въ Манас. лѣт., *псифида* ср. *псифїа* въ Манас. лѣт. (безъ сомнѣнія это же слово и въ житіи Нифонта, въ словарѣ Срезневскаго стоитъ съ ?), и пр.; слово ооурка, которому нѣтъ соотвѣтствія въ оригиналѣ, встрѣчается также въ Лѣтоп. Манас., сравни словарь къ Обзору звуковъ и формъ особаго болгарскаго языка, гдѣ и замѣчено, что переводъ принадлежитъ болгарину. Переводъ Діоптры признаетъ юго-слав. и А. И. Соболевскій. Разумѣется, само по себѣ слово *артириіа* могло бы явиться и у русскаго, но вѣдь разсматриваемое нами слово не переводное, а оригинальное. У *Цамблака* оно засвидѣтельствовано приведеннымъ нами примѣромъ.

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ произведеніяхъ *Цамблака*, которыя и самъ авторъ считаетъ сомнительными. Перейдемъ теперь къ той части его книги, въ которой онъ выступаетъ съ взглядомъ, что *Цамблакъ* жилъ и послѣ 1419—1420 гг., къ которымъ пріурочиваютъ его кончину наши лѣтописи, и продолжалъ литературныя занятія, принявъ схиму подъ именемъ *Гавріила*, иначе говоря, что *Гавріилъ* мирянинъ, *Григорій* мнихъ, игуменъ и архіепископъ и схимонахъ *Гавріилъ* есть одно и тоже лицо.

Правда собранныя г. Яцимирскимъ прямыя и косвенныя доказательства по нашему мнѣнію еще не рѣшаютъ вопроса окончательно, но нельзя отвергать того, что въ совокупности они увлекали его къ убѣжденію въ тождествѣ *Григорія* и *Гавріила*. Во всякомъ случаѣ попытка г. Яцимирскаго удачнѣе предшествовавшей ему попытки архіеп. Мелхиседека. Въ виду

1) Словарный матеріалъ изъ Діоптры въ значительномъ числѣ вошелъ въ словари Востокова и Миклошича изъ четырехъ списковъ: два Публичной библіотеки, одинъ Люблянской и одинъ Львовской. Подборъ этихъ словъ не оставляетъ сомнѣнія въ юго-слав. переводѣ Діоптры. Таковы напр. кромѣ указанныхъ выше: безгащьнъ Микл., сѣдинавъ, сѹхонавъ есть въ серб., плавъ серб. и болгар., огладало серб. не отмѣчено ни у Востокова, ни у Миклошича, преко-глагольнъ тоже не отмѣчено, горкавъ горкавъ серб. и болг. и др.

того, что во всемъ этомъ вопросѣ самую важную роль въ глазахъ А. И. Яцимирскаго играетъ рук. 1389 г., мы позволимъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Рукопись эта, какъ выясняется изъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ литературѣ, принадлежала монастырю св. Саввы освященнаго въ Іерусалимѣ. Нѣсколько листиковъ изъ нея взяты были преосв. Порфиріемъ и теперь находятся въ Публичной Библіотекѣ. Но вся остальная часть рукописи была пріобрѣтена архимандритомъ Леонидомъ и подарена имъ Оптиной пустыни. Преосвященный Порфирій указалъ дату рукописи 1389, но она въ описаніи его не приведена полностію. Запись была напечатана арх. Леонидомъ, но при этомъ, вѣроятно, не соблюдено было правописаніе рукописи см. стр. 33 и 34 книги Яцимирскаго. Объ этомъ можно заключать по тому, что рукопись, насколько о ней можно судить по листамъ Публичной Библіотеки, принадлежитъ болгарской редакціи, а самая запись у арх. Леонида напечатана такъ, что можно было бы думать, что мы имѣемъ дѣло съ русскимъ спискомъ. Однако г. Яцимирскій на стр. 361 приводитъ эту запись, повидимому, въ точной передачѣ, къ сожалѣнію ни словомъ не оговаривая различія ея передачи въ двухъ мѣстахъ своей книги, а на стр. 360 утверждаетъ, что рук. до сихъ поръ считалась сербской. Кѣмъ она считалась, этого не сказано, но странно то, что самъ авторъ настоящей книги на стр. 34 въ примѣчаніи говоритъ о рукописи слѣдующее: «дѣло въ томъ, что въ двухъ *старшихъ* отрывкахъ изъ словъ Исаака Сирина *сербскомъ* — Спб. Публ. Библ. Q. I. № 903 и русскомъ Моск. Синод. Библ. 193 читается тотъ же переводъ, а вторая изъ указанныхъ рукописей относится къ 1381 г.». Отсюда видно, что, печатая второй листъ своей книги, авторъ не имѣлъ яснаго понятія о рукописи. Для него существовали тогда три списка 1) 1389 г.; 2) старшій отрывокъ *сербскій* и въ 3) русскій списокъ 1381 г. Печатая 23 листъ, авторъ уже зналъ, что рук. 1389 г. и отрывки изъ собранія преосв. Порфирія составляютъ одно цѣлое, но не поправилъ сказаннаго имъ

па стр. 34. Мы потому отмѣчаемъ эти недомолвки и противорѣчія, что рук. эта играетъ такую важную роль въ сужденіяхъ автора о тождествѣ *Гавріила*, переписчика словъ Исаака Сирина въ 1389 г., и *Гавріила* переписчика рук. Нямецкаго монастыря въ XV в. При отождествленіи этихъ двухъ *Гавріиловъ* съ *Цамблакомъ*, первой датой авторъ пользуется для опредѣленія года рожденія *Цамблака* (стр. 27), его пребыванія въ лаврѣ св. Аѳанасія (стр. 33), а даты рук. XV в. подтверждаютъ взглядъ автора, что *Цамблакъ* жилъ гораздо долѣе, чѣмъ о томъ говорятъ наши лѣтописи и др. источники. Наконецъ та же рукопись даетъ поводъ автору высказаться въ вопросѣ о реформѣ патріарха Евѳимія въ томъ смыслѣ, что исправленіе имъ болгарскихъ должно относиться къ сравнительно позднему времени, скорѣе всего къ періоду его изгнанія, такъ какъ иначе сохранились бы болѣе раннія рук. съ тырновскимъ текстомъ стр. 403. Нельзя поэтому не сожалѣть, что г. Яцимирскій обстоятельнѣе не познакомился съ этою рукописью. И независимо отъ указанной ея роли въ вопросѣ, поставленномъ авторомъ, эта рукопись представляетъ большой интересъ сама по себѣ, какъ одна изъ немногихъ датированныхъ рук. болгарской редакціи второй половины XIV в., по годамъ близкая къ дѣятельности патріарха Евѳимія. Иначе, какъ это есть теперь, заключенія автора вызываютъ вполнѣ основательныя возраженія. Когда мы составляли отзывъ о книгѣ Яцимирскаго, у насъ не было приложенныхъ къ ней снимковъ (книга намъ доставлялась въ отдѣльныхъ листахъ по мѣрѣ ея печатанія). Теперь, когда передъ нами снимки, мы должны сказать, что касается ихъ слѣдующее. При чрезвычайной важности палеографическаго свидѣтельства въ отождествленіи рукописи *Гавріила* 1389 г. и *Гавріила* XV в. необходимо было дать *фототипіи*, точно передающія почеркъ. Нельзя было ограничиться только однимъ снимкомъ изъ рук., именно изъ отрывковъ ея у Преосв. Порфирія, важно было присоединить по крайней мѣрѣ два снимка изъ рук. Оптиной пустыни, чтобы вполнѣ было очевидно, что мы имѣемъ

дѣло съ одною и тою же рук. Въ частности одинъ изъ этихъ снимковъ долженъ былъ заключать листъ съ записью. Снимки должны были быть исполнены въ натуральную величину. Теперь же утвержденіе автора, что между почеркомъ 1389 г. и обычнымъ почеркомъ монаха Нямецкаго *Гавріила* есть полное сходство, вполнѣ понятно оспаривается, напр. въ рецензіяхъ Карскаго, Радченка. Указываютъ, на начертаніе з и ж въ особенности. Мы впрочемъ по этому поводу замѣтимъ, что ж позднѣйшаго типа на листахъ отрывковъ встрѣчается рѣже, чѣмъ другое. При томъ интересно, что возможны двоякія начертанія въ одной рук. То же встрѣчаемъ напр. въ Зографскомъ спискѣ служебника патріарха Евѳимія, судя по вполнѣ точнымъ снимкамъ съ него у Сырку. И въ немъ есть ж изъ трехъ палочекъ безъ закругленія съ правой стороны и другое съ закругленіемъ, или напр. т двухъ видовъ болѣе старое т и позднѣйшее изъ трехъ ровныхъ палочекъ m. Послѣднее начертаніе въ отрывкахъ рук. 1389 г. встрѣчается исключительно. А такъ какъ въ упомянутомъ служебникѣ вписаны имена Іоанна Шишмана, царицы Маріи и патріарха Евѳимія, то, разумѣется, возникалъ вопросъ, какъ же объяснить присутствіе этихъ именъ, если принять вмѣстѣ съ Сырку, что служебникъ писанъ въ XV в. Сырку заключалъ объ этомъ на основаніи письма, но факты изъ рук. 1389 г. могутъ возбуждать сомнѣніе въ вѣрности палеографическаго заключенія, если, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія относительно этой даты. Какъ видно изъ приготовленнаго нами альбома юго-слав. снимковъ, начертаніе ж съ закругленіемъ встрѣтилось впервые въ этой рук. Оно есть и еще, но въ припискѣ къ снимку таблицы 57. Прибавимъ къ этому, что и вообще вопросъ о измѣненіи почерка одного писца за столь большой промежутокъ времени отъ 1389 по 1450 дѣло не легкое. Чтобы рѣшительно высказаться въ подобномъ случаѣ, нужно располагать болѣе надежными данными. Къ сожалѣнію имѣть подъ руками такія данныя трудно, и мы не знаемъ подобнаго опыта. Вотъ почему повторяемъ такъ необходимо внимательное изу-

ченіе рук. 1389, отсутствіе котораго составляетъ столь существенный пробѣлъ въ книгѣ Яцимирскаго. То же самое можно сказать и о правописаніи рукописи. Пока мы о ней такъ мало знаемъ, трудно рѣшить, насколько можно ею пользоваться для тѣхъ или иныхъ заключеній объ отношенія ея къ Евѳиміевскимъ текстамъ. Но еслибы даже и можно было убѣдиться, что почерки *Гавріила* переписчика въ лаврѣ св. Аѳанасія въ 1389 г. и нямецкаго схимонаха *Гавріила* представляютъ собою почерки одного и того же лица, то и этимъ лишь удостовѣрялось бы тождество двухъ *Гавріиловъ*, но для полнаго убѣжденія въ тождествѣ того и другого *Гавріила* съ *Григоріемъ Цамблакомъ* не достаетъ автографа *Григорія* (что признаетъ и авторъ стр. 242). Авторъ въ замѣнъ этого приводитъ лишь одно соображеніе, отчего мы не знаемъ рукописей *Гавріила* до 1423 г. Другое указаніе г. Яцимирскій усматриваетъ въ Посланіи Нямецкаго игумена Ѳеодосія XVI в. къ романскому епископу Макарію. Ѳеодосій сравниваетъ іеромонаха Іоиля, знавшаго греческій языкъ, искуснаго въ книгахъ и переписывавшаго многія книги съ *Гавріиломъ Цамблакомъ*: «яко нѣкъгда Гаврїиль Цамблакь, игуменъ отъ нашь Нѣмецкїи монастирь, добри кънигы написавъ сладкими словесы пооучаѧ въсѧ христїаны, и тръдь къ тръдомь прѣлагаѧ сватительскыи степень ѡставль, къ богꙋ ѿтиде». Здѣсь конечно все дѣло въ словахъ: святительскый степень оставль, т. е. оставивъ санъ епископа. Если эти слова понимать такъ, что ими указывается на игумена Нямецкаго монастыря, бывшаго впослѣдствіи архіереемъ и оставившаго этотъ санъ для схимы, то все таки странно, что въ этомъ случаѣ *Григорій Цамблакъ* не названъ по имени, не титулованъ митрополитомъ кіевскимъ. Вмѣсто прямого свидѣтельства и здѣсь можно видѣть только неопредѣленный намекъ. Приводимое же въ связь съ этимъ, свидѣтельство Казачинскаго XVIII в. не имѣетъ большого значенія, какъ позднее. Не маловажнымъ обстоятельствомъ является въ нашихъ глазахъ и то, отчего *Григорій*, извѣстный многочисленными самостоятель-

ными трудами, многочисленными словами и житіями, въ первый періодъ своей дѣятельности, изобличающими въ немъ несомнѣнный авторскій талантъ, послѣ своей мнимой смерти является простымъ переписчикомъ книгъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ бы переводъ посланія патріарха Матвѣя, если только было бы указаніе, что переводъ этотъ принадлежитъ *Григорію Цамблаку* (стр. 82). Что же касается принадлежности ему тульчанской лѣтописи, то это лишь догадка нашего автора. Но если и послѣ работы г. Яцимирскаго трудно считать внѣ сомнѣнія тождество *Григорія* и *Гавріила*, то это во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ признать значительный интересъ книжной дѣятельности *Гавріила*, особенно въ виду тырновскаго правописанія, которому онъ слѣдовалъ.

Переходя теперь къ главѣ V остановимся нѣсколько подробнѣе на оцѣнкѣ авторомъ трудовъ *Гавріила* по проведенію въ Молдавіи правилъ тырновскаго извода съ установленнымъ патріархомъ Евѳиміемъ правописаніемъ. Начиная этотъ отдѣлъ, авторъ оговаривается, что раздѣленіе фонетическихъ значеній правописанія отъ чисто графическихъ не входитъ въ его задачи (стр. 388). Къ этой оговоркѣ онъ прибавляетъ въ концѣ отдѣла: итакъ на основаніи рукописей *Гавріила* мы составили краткое руководство, но не грамматическое, а скорѣе палеографическое (стр. 402), На самомъ же дѣлѣ, группируя особенности правописанія, авторъ почти вездѣ подводитъ ихъ подъ извѣстныя грамматическія рубрики и, гдѣ замѣчаются какія либо измѣненія, отмѣчаетъ ихъ. Къ сожалѣнію при этомъ допущены не рѣдко неточности. Напр. въ *коренныхъ слогахъ* замѣчаются обычныя группы съ глухимъ; слѣдуютъ примѣры и при этомъ: зъп: възъпити, или въ *суффиксахъ:* въш, тън, стр. 394; на мѣстѣ широкаго носового является узкій: въ окончаніяхъ а) склоненія а) вин. ед. жен. р. основъ на а и в) твор. ед. *того* (?) *же склоненія*: мощїѫ стр. 399, суффиксы ва первообр. и производ. глаголовъ и т. д. Разумѣется, для той цѣли, которую преслѣдуетъ авторъ, самое главное подборъ примѣровъ, но лучше было бы избѣгнуть ука-

занныхъ невѣрностей. Можно возражать и противъ объясненій, предлагаемыхъ авторомъ. Напр. говоры восточной Болгаріи только до извѣстной степени могли помогать писать ѣ правильно стр. 396. Въ ωслѣ безъ всякого сомнѣнія ѣ стоитъ вмѣсто ѧ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ одною и тою же формой а между тѣмъ авторъ по этому поводу говоритъ не совсѣмъ ясно: «ѣ никогда не смѣшивается съ ѧ. Такіе же примѣры, какъ **въсѣдь на ωслѧ или на ωслѣ** можно объяснять не фонетически, такъ какъ **въсѣсти** глаголъ движенія» стр. 396. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ, что такіе примѣры какъ **пѧндесѧтница** и др, стр. 396 объясняются вліяніемъ греческаго произношенія. Авторъ забываетъ, что въ этомъ числительномъ, какъ и въ 90, встрѣчаемъ слѣды носового произношенія даже въ говорахъ восточно-болг.: пиндисет, дивиндисет. Нѣтъ сомнѣнія, что эти формы получились изъ пѧтьдесѧтъ, девѧтьдесѧтъ послѣ ассимиляціи **т д**, когда глухой выпалъ, и выпаденія одного **д**. Что касается того, что рядомъ съ **ѧ** стоитъ еще **н**, то такіе примѣры встрѣчаемъ даже въ старослав. памятникахъ, напр. **пѧнтьскъ** Зогр. еванг., Супрасл. рук.

Но, конечно, въ этомъ отдѣлѣ книги г. Яцимирскаго самое главное было бы приведеніе возможно большаго количества примѣровъ. Въ этомъ отношеніи собранный имъ матеріалъ, какъ показываютъ приготовленныя имъ къ изданію въ Обществѣ любителей древней письменности слова *Цамблака*, далеко еще не вполнѣ исчерпанъ.

Вполнѣ понятно, что въ работѣ такого размѣра, какъ книга Яцимирскаго встрѣчаются пробѣлы, недосмотры, неточности, поспѣшныя заключенія. Напр. въ литературѣ предмета (стр. 4) не указано сочиненій преосв. Порфирія, который представилъ оцѣнку словъ *Григорія Цамблака*, найденныхъ имъ въ монастырѣ св. Павла. Въ числѣ ученыхъ, считавшихъ *Григорія Цамблака* болгариномъ (стр. 21) не названы преосв. Порфирій, проф. Иречекъ. Мы уже не говоримъ, что изъ всего, приведеннаго здѣсь авторомъ, нельзя убѣдиться въ болгарскомъ

происхожденіи имени *Цамблакъ*. На стр. 85 авторъ ошибочно считаетъ *обычнымъ* эпитетомъ болгарскаго царя Іоанна Александра мучениколюбный, безъ всякой ссылки. Мы не нашли *ни одного* примѣра. Никакими доказательствами не подкрѣплено утвержденіе, что житіе Стефана Дечанскаго явилось какъ бы протестомъ противъ Стефана, Константина и Ресавы (стр. 149—150). По явному недоразумѣнію приписывается преосв. Филарету незнаніе мѣста, гдѣ происходилъ Констанцскій соборъ (стр. 282). Называя его Костницкимъ, преосв. Филаретъ употребилъ прилагательное, образованное отъ нѣмецкаго имени Констанца. Не слѣдовало приводить въ числѣ рукописей румынскаго происхожденія Кирилловскую часть реймскаго евангелія (стр. 339), когда ее считаютъ русскимъ памятникомъ XI—XII в. Встрѣчаются и болѣе мелкія погрѣшности, напр. Углешъ Мрнявчевичъ, родительный Углеша вмѣсто Углеша именительный (стр. 49), Целеби (стр. 189) вмѣсто Челеби и др.

Не смотря на это въ виду того, что книга [1]) г. Яцимирскаго даетъ не мало новаго матеріала для біографіи *Цамблака* и югославянской письменности его времени, принимая во вниманіе предшествующіе ей труды автора, рецензентъ позволяетъ себѣ считать ее заслуживающею награжденія Ломоносовскою преміей.

---

1) Представленный А. И. Яцимирскимъ трудъ носилъ такое заглавіе: «Григорій Цамблакъ, его жизнь и время» и «Григорій Цамблакъ, его литературная и книжная дѣятельность», но при печатаніи первоначальный планъ изслѣдованія былъ нѣсколько измѣненъ авторомъ и обѣ части (историческая и литературно - библіографическая) соединены въ одну, причемъ нѣкоторые отдѣлы второй части совсѣмъ опущены и отнесены къ введенію для начатаго имъ изданія текстовъ произведеній Григорія Цамблака. Поэтому въ разсматриваемомъ трудѣ имъ оставлены только тѣ отдѣлы изъ второй части, которые представляютъ извѣстный біографическій матеріалъ.

III.

Библіотека Московской Синодальной Типографіи. Часть первая. Рукописи. Выпускъ второй. Сборники и лексиконы. — Выпускъ третій. Псалтыри. — Выпускъ четвертый. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг. Описалъ **Валерій Погорѣловъ.** М. 1899—1903.

Рецензія академика **А. И. Соболевскаго.**

Трудъ г. Погорѣлова составляетъ часть обширнаго описанія рукописнаго собранія Московской Типографской Библіотеки. Первый выпускъ этого описанія принадлежитъ г. Орлову. Второй, третій и четвертый, принадлежащіе г. Погорѣлову, посвящены: 1) сборникамъ и лексиконамъ (№№ 25—44), 2) псалтырямъ (№№ 45—63) и 3) матеріаламъ и оригиналамъ Вѣдомостей 1702—1727 гг. (№№ 64—82), всего 58 рукописямъ XIII—XVIII вѣковъ. При описаніи псалтырей г. Погорѣловъ помѣстилъ статью: «О редакціяхъ славянскаго перевода псалтыри» (стр. V—LXIV).

Что касается до описанія, то оно отличается разносторонностью и подробностью. Г. Погорѣловъ касается и матеріала рукописей (главнымъ образомъ водяныхъ знаковъ на бумагѣ), и языка, и содержанія. Вездѣ онъ даетъ полезныя данныя, иногда небольшія, но цѣнныя изслѣдованія. Но дѣло не всегда обходится безъ неточностей. Такъ, сборникъ полемическихъ статей противъ латинянъ и лютеранъ (№ 35), несомнѣнно, юго-западнорусскій по происхожденію, характеризуется какъ «копія съ среднеболгарскаго оригинала, и притомъ чрезъ посредство новгородскаго списка», хотя часть его статей принадлежитъ русскимъ

авторамъ и переводчикамъ и новгородское смѣшеніе *ц* и *ч* указывается всего въ двухъ случаяхъ, только въ двухъ статьяхъ. Описывая сборникъ конца XVIII вѣка, г. Погорѣловъ не догадывается, что онъ раскольническаго происхожденія и что нѣкоторыя его статьи (какъ статья противъ самосожигательства, л. 412 об.) заслуживаютъ большаго вниманія. Отмѣчая особенности языка и выписывая важное и неважное, г. Погорѣловъ не всегда даетъ вѣрную оцѣнку: иногда уменьшаетъ значеніе важнаго и преувеличиваетъ значеніе неважнаго. Такъ, приводя: *у*двориться, за*в*лони, онъ видитъ мѣну *у* и *в* (вып. III, стр. 62); въ пов*и*леваемъ, поуч*и*ніе, всяч*и*скымъ, ож*и*нился (*и* вм. *е*) и въ формахъ род. пад. животворящ*е*го, исходящ*е*го онъ видитъ новгородизмы (вып. II, стр. 4—5); на интересную форму 1-го л. наст. вр. ум*ѣ*ю смотритъ какъ на описку (вып. III, стр. 62), а въ формѣ 2-го л. поперепи находитъ полногласіе (ib., стр. 59), и т. п.

Этюдъ о редакціяхъ псалтырнаго текста имѣетъ свое значеніе. Онъ представлялъ бы еще большую цѣнность, если бы былъ основанъ на спискахъ не только Типографской Библіотеки, но и другихъ нашихъ собраній, въ которыхъ псалтырь и безъ толкованій, и съ толкованіями представляется значительнымъ числомъ №№-овъ; г. Погорѣлову «остались, къ сожалѣнію, недоступными всѣ древнѣйшіе списки псалтыри (кромѣ Синайской)», другими *же онъ былъ «принужденъ пользоваться въ довольно неточныхъ изданіяхъ»* (стр. VIII). Сверхъ того, г. Погорѣловъ мало начитанъ въ памятникахъ древнѣйшей переводной литературы на церковно-славянскомъ языкѣ, и нѣкоторыя его соображенія нельзя считать основательными.

Въ виду того, что трудъ г. Погорѣлова представляетъ лишь небольшую часть описанія Типографской Библіотеки, не смотря на нѣкоторыя несомнѣнныя его достоинства, я полагаю, что Отдѣленіе можетъ присудить ему лишь почетный отзывъ.

